

**НЕТ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ!**

Читайте детективы Ольги Володарской! В них нет запретных тем!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Карма фамильных бриллиантов
Сердце Черной Мадонны
Зов темной воды
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Его величество случай
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война

Ольга Володарская

ЛЮБОВЬ КАК ВОЙНА

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Оформление серии *В. Терещенко*

Володарская, Ольга.

В68 Любовь как война : [роман] / Ольга Володарская. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Нет запретных тем. Остросужетные романы О. Володарской).

ISBN 978-5-699-84498-2

Все началось с письма...

Амон, которого родители называли так в честь египетского бога солнца, обнаружил его в своем почтовом ящике. В письме некто, подписавшийся «Тень», обещал следовать за ним до тех пор, пока не наступит подходящий момент для мести. Амон не испугался. Он был уверен, что его «тень» безобидна...

Лада, живущая по соседству, тоже прочла письмо. И решила, что послание адресовано ей, а в ящик Амона попало по ошибке.

Лада испугалась. Потому что тот, кто желал ей отомстить, был очень опасным человеком...

Вскоре у Амона убили друга, а на подругу Лады напали. Кто же сделал это? Чья тень начала мстить?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84498-2

© Володарская О., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Часть первая

Глава 1

Ольга Алексеевна Слепнева не любила смотреться в зеркало. Поэтому делала это всего два раза в день: утром и вечером, когда умывалась после пробуждения и перед сном. Сейчас было утро, и она стояла перед раковиной с зубной щеткой в руке.

— Мама, — послышалось из-за двери, — ты скоро?

— Да, — коротко ответила Ольга и принялась чистить зубы.

— Как скоро? — не отставал сын.

— Через минуту выйду!

— Значит, через шестьдесят секунд? Я засекаю... Раз, два, три, четыре...

Пока сын считал, Ольга успела сполоснуть рот и намылить лицо. А вот на то, чтобы смыть «Детское» (она пользовалась только им, игнорируя всевозможные новинки, активно рекламируемые по телевизору), времени не хватило. А все потому, что Саша вел счет в ускоренном темпе.

— Все! Минута вышла! — прокричал он, слив последние три цифры в одну: «пятьвосьдешесят».

— Дай мне еще одну, пожалуйста.

— Нет!

— Саша, мне так понравилось, как ты считаешь. Хочу послушать еще раз. Только сделай это помедленнее, хорошо?

Сын быстро согласился, хотя она ожидала от него капризов. Сегодня Саша был в дурном расположении духа. Поэтому и донимал мать. Он плохо спал из-за кошмаров и пробудился с головной болью, которую с трудом сняли две таблетки сильного анальгетика. Именно в такие дни с ним было особенно трудно...

В другие не так...

А легко — никогда.

Ольга умылась, вытерла лицо полотенцем. Ее длинные седоватые волосы растрепались. Она расчесала их и собрала в пучок на затылке. На то, чтобы сделать прическу, у нее уходило не больше десяти секунд.

— Шестьдесят! — услышала Ольга Алексеевна из-за двери и отодвинула щеколду.

Выйдя из ванной, она увидела Сашу. Он сидел на полу прямо напротив двери. Его худые ноги были вытянуты. Он, как обычно, был бос, несмотря на ледяной пол — отопление уже отключили, а на улице в столь ранний час было около ноля градусов. Ольга Алексеевна постоянно твердила сыну о том, что нужно обуваться в тапки или хотя бы носить носки, но он не любил ни того, ни другого. Дай ему волю, он бы и по улице босиком ходил.

— Надень тапки, — бросила Ольга, перешагнув через ноги сына, чтобы пройти на кухню.

— Не хочу, — привычно ответил он.

— Блины на завтрак получают только те, кто слушается маму.

— То есть, если я не обуюсь, ты...

— Не буду печь тебе блинов.

— Но это нечестно, ты мне вчера обещала...

— Саша, надень тапки, — строго проговорила Ольга.

Сын тяжело вздохнул, затем встал и потопал в прихожую.

А она вынула из холодильника блинное тесто и начала готовить завтрак.

...Ольгой Алексеевной она стала в двадцать два, когда пришла работать в школу по окончании пединститута. По имени-отчеству ее называли не только ученики, но и коллеги. У них в коллективе все обращались друг к другу официально даже в тех случаях, когда в учительской не было никого, кроме преподавателей: ни школьников, ни родителей, ни представителей РОНО, например. И только выходя за школьный порог, педагоги превращались в Свет, Лен, Ань. Все, кроме Ольги Алексеевны. Вне стен учебного заведения она не общалась ни с кем из своего коллектива. Если только по рабочим моментам. Во всевозможных междусобойчиках она участия не принимала. Ее, недавно устроившуюся на работу, позвали на пикник, но Ольга отказалась, и на этом все закончилось. Больше никаких предложений поучаствовать в совместных посиделках не поступало. Коллеги ее не то чтобы невзлюбили, просто держались от нее на расстоянии...

Или она от них?

Ольга всегда была нелюдистой. Дикаркой, как говорила ее мать. Или же, по мнению бабушки, вещью

в себе. Оле не нравились оба сравнения. Она и не дикая, и не вещь. Просто... На своей волне. Это определение она придумала сама...

— Мама, смотри, я в тапках! — услышала Ольга Алексеевна голос сына и обернулась. Саша стоял в дверях кухни, гордо демонстрируя ей свои «чуни». Это название закрытой домашней обуви с опушкой по краю дал когда-то ее дед. Оля его подхватила, а за ней и сын.

— Молодец. Но если бы ты еще и штаны надел, было бы вообще здорово.

— А я не знаю, где они...

— Висят на спинке кресла, возле твоей кровати.

— Там не черные, в которых я обычно хожу, а голубые. Я их испачкаю. Лучше уж с голыми ногами поем, кожу отмыть легче. А на светлой ткани могут следы остаться. Так ведь?

Саша иной раз довольно здраво рассуждал. И Ольге Алексеевне казалось, что ее сын вполне нормален. Но это было не так...

— Тебе варенье или мед? — спросила она, отправляя очередной готовый блин на тарелку. Ее сын любил печево со сладостями.

— Джем яблочный, — ответил он и облизнулся.

— Ты его съел. — Видя, как Саша набычился, Ольга поспешно выпалила: — Но есть яблоко. И если его порезать и полить медом, будет как джем.

Сын просиял. Ольга Алексеевна открыла холодильник, достала из него грушовку и быстро ее измельчила. В вазочку, куда она нарезала яблоко, добавила ложку гречишного меда и поручила Саше все

перемешать. Пока тот, высунув язык, делал это, она заваривала чай.

Сыну исполнилось сорок, а он был сущим ребенком. Причем не самым смышленным.

Ольга Алексеевна родила его в двадцать два от любимого мужа. Его звали Ларионом. Вот так, и никак иначе. На Ларика и Лари он не откликался.

Это был ее ученик. Оле двадцать два, ему шестнадцать с половиной. Она тогда подменяла преподавательницу географии. И когда вошла в класс, сразу обратила внимание на этого парня. У него в волосах седина была — снежно-белая прядь на длинной черной челке, именно она бросалась в глаза первой, а уж потом все остальное: необыкновенной синевы глаза, алый рот и крапины веснушек на тонкой переносице.

Ларион был очень красивым парнем. Но одноклассникам не нравился из-за скверного характера. Он был высокомерен, язвителен, а порой жесток. Если жалил словом, то так больно, что девочки плакали. А так как его фамилия была Слепнев, то и кличка к нему прилипла подходящая — Слепень. Когда он увидел молодую учительницу, вошедшую в класс, то нацелил свое жало на нее. Только выпущенный в Ольгу яд не принес ей никакого вреда. Она была не просто в броне, а в отражающих доспехах. На каждую колкость Слепня отвечала двумя. И все они были такими тонкими, что никто в классе, кроме Лариона, не понял, что над ним издеваются.

Они пикировались весь урок. Потом еще один, состоявшийся через день. Слепень с нетерпением ждал третьего, но географичка к тому времени выздорове-

ла, и Ольга Алексеевна больше у них не преподавала. Спустя пару недель Ларион встретил ее после уроков и, отобрав тяжелый портфель с тетрадками, пошел провожать до дома. При этом вел себя как паинька. Почему, сам не понимал. Тогда он еще не знал, что влюбился...

Они стали близки за неделю до выпускного. Занялись сексом в библиотеке, куда оба явились в конце дня: Ларион — сдавать учебники, она — их принимать — Ольга подменяла очередную захворавшую коллегу. После короткого сумбурного секса на столе, заваленном книгами, они поняли, что созданы друг для друга.

Замуж за Лариона Ольга вышла на третьем месяце беременности. Парня для того, чтобы брак зарегистрировать, из армии вызывать пришлось. А вот когда сын родился, его не отпустили. Проштрафился и был лишен отпуска. Так что Сашеньку Ларион увидел, когда тому уже полгода исполнилось.

То, что ребенок отстает в развитии, стало ясно не сразу. Саша ничем не отличался от сверстников и пошел даже раньше некоторых детей. Говорить он также начал вовремя. Вот только понять его одна Ольга могла. Их отправили к логопеду. Тот с Сашей долго занимался, после чего перенаправил к другому врачу. Этот поставил диагноз «деменция», иначе говоря, слабоумие. И предположил, что развилась болезнь после травмы головы. Ребенка якобы роняли. Ольга возмутилась. Она знала, что Саша не получал таких серьезных травм, которые привели бы к слабоумию. Поэтому отвела сына к другому специалисту. Тот

поставил диагноз «аутизм» и сказал, что это врожденное.

Ольга и этого врача посчитала некомпетентным. Дети, зачатые в большой любви, не рождаются больными. Таково было ее убеждение. Ее Саша просто не такой, как все. Чудак. У него свой образ мышления и язык. Она его понимает, и это значит, что научить его тому языку, на котором изъясняются остальные, те, что как все, — ее материнская миссия.

Она усердно с ним занималась. Изо дня в день. Когда забирала из детского сада (он был в спецгруппе — в другую его не брали), усаживала Сашу за стол и начинала уроки. И года не прошло, как сын стал понятно изъясняться. Он немного заикался и не выговаривал букву «р», но этим грешат и «нормальные» дети его возраста. Зато ее мальчик немного читал и писал простые слова, типа «мама», «папа», «Саша». Ему на тот момент едва исполнилось пять.

Ольга Алексеевна очень гордилась сыном. А вот муж его стыдился. И пытался убедить ее в том, что Саша никогда не станет нормальным. Поэтому предлагал отдать его в интернат, а не в обычную школу, как планировала Оля. Ларион вообще к сыну всегда относился прохладно. Даже когда еще никто не мог предположить, что Саша ребенок проблемный. Видимо, отец был слишком молод. А уж когда стало ясно, что сын не такой, как все, Ларион сразу предложил Оле отдать Сашу в детский дом инвалидов. Она тогда с ним чуть не развелась. Но поскольку любила, то простила. И стала доказывать мужу, что их сын не хуже других.

Когда Саша, шестилетний, стоя на табурете у новогодней елки, вместо четверостишия отгарабанил таблицу умножения, Ольга Алексеевна подумала, что муж это оценит. И поймет, как она права. Плод их любви никакой не отсталый, а как раз наоборот... Но Ларион, когда жена стала вымогать (он употребил именно это слово) у него комплименты в адрес Саши, сказал:

— Сними розовые очки, Оля. Наш сын аутист. И, как большинство детей с таким диагнозом, обладает феноменальной памятью. Для него запомнить таблицу умножения раз плюнуть...

— Диагноз поставлен некомпетентным специалистом! — возмутилась Оля. — Наш сын вполне нормален. И только ты этого не замечаешь...

— Это ты не замечаешь, что он ненормален, — возразил Ларион. После того как они чуть не развелись, он предпочитал помалкивать, когда жена заводила разговор о сыне. Вне дома Ларион оставался тем же Слепнем, высокомерным, язвительным, порой жестоким, хотя с Олей научился быть если не душевным и добрым, то все же терпимым. Но сегодня он выпил шампанского, вот и не сдержался. — Наш сын умственно отсталый! Признай уже это.

— Все воспринимают Сашу как обычного ребенка. И отмечают, что он очень развит для своего возраста, — не сдавалась Оля.

— Ты говоришь о случайных знакомых. Тех людях, с которыми едешь в автобусе или дожидаясь своей очереди в магазине. Они не знают Сашу. Видят его десять-двадцать минут, пусть полчаса. Те

же, кто сталкивается с ним постоянно, Ореховы из соседней квартиры, моя мама, воспитатели, доктора, наконец, — все они понимают: Саша не совсем нормальный ребенок, но с ним очень много занимаются. Оля, даже дебила, а наш сын, слава богу, не так сильно отстает в психическом развитии... так вот, даже дебила можно обучить. Если бы с ним кто-то возился столько же, сколько ты с Сашей, он смог бы заучить таблицу умножения.

— Не смог бы!

— Даже попугаи могут повторять то, что слышат! Запоминают фразы и воспроизводят их.

— Наш сын применяет таблицу. Он считает.

— Но впадает в ступор, если ломается карандаш, которым он пишет. Я видел, как вы занимаетесь. И вольный пересказ ему не дается. Я спросил как-то, о чем сказка «Золушка». Он не смог в нескольких предложениях мне ответить. Как сделал бы любой ребенок. Саша принялся воспроизводить по памяти текст...

Они долго спорили в ту новогоднюю ночь, но так ничего друг другу и не доказали. Могли бы разругаться вдрызг, да шампанское, которое Ларион в горячке допил, сыграло свою благую роль. Глава семьи размяк и вместо того, чтобы продолжать словесные баталии, увлек Олю на супружеское ложе...

Через девять месяцев в их семье случилось пополнение — родился еще один сын, Славка.

Надо сказать, что Ольга своей беременностью не обрадовалась. Более того, она хотела сделать аборт. У нее муж-студент. Сын... э... не такой, как все... Нет,

совершенно определенно, она не могла себе позволить — ни морально, ни физически, ни материально — еще одного ребенка. Потому что все на ней. Ларион что? Ни денег в дом, ни помощи по хозяйству. Знай строчит какие-то рассказы да притчи философские, хотя учится на радиоинженера. Хорошо еще, что она его в школу сторожем пристроила. А то бы он в семейный бюджет вклад вносил лишь своей стипендией. Но его учеба подходила к концу. Оставалось каких-то полгода. Оля уже мечтала о том, как они заживут, когда Ларион устроится на работу по окончании института... плюс ее две ставки... можно будет даже на море съездить... И тут! Бах! Беременность!

Первая мысль была — аборт. Она поделилась ею с мужем. Но тот — в штыки. Рожай, и все тут. Оля не знала тогда, что супруг давно мечтал еще об одном ребенке... *НОРМАЛЬНОМ!*

Вячеслав таким и родился. Здоровым во всех отношениях чадом. Поэтому Оля со спокойной душой отдала его семимесячного в ясли, чтобы поскорее выйти на работу. И дело было не в деньгах. Хотя и в них семья нуждалась. Ольга Алексеевна пристроила-таки Сашу в обычную школу, в которой сама преподавала, пусть и в коррекционный класс, и взяла этот класс себе (чтобы этого добиться, она три месяца проходила специальное обучение). Так что в школу они с Сашей пошли вместе.

— Мама, — услышала Ольга голос сына и стряхнула с себя воспоминания о далеком прошлом. — Мам, ты что, не слышишь?

— Что? — уточнила она. Звуки до ее ушей доносились разные: начиная от тарахтения холодильника и заканчивая ором ворон за окном. Оля не знала, какой именно привлек ее сына. Это мог быть и «топот» тараканов, который никто, кроме него, не слышал. В детстве Саша постоянно жаловался на то, что он мешает ему спать. Она считала, что у сына феноменальный слух. Ларион же, когда Саша в очередной раз поднял их среди ночи, чтобы пожаловаться на то, что тараканы его разбудили своим топотом, с раздражением выпалил: «Они бродят только в твоей голове!»

— Всё, — выдохнул Саша.

— Что всё?

— Он замолчал.

— Да кто... кто замолчал? — Вариантов было несколько: ворон, что каркал, соседский телевизор, слышимый в их квартире, кран, иногда подкапывающий... таракан, бродящий в голове Саши...

— Человек, который умирал... Он дышал вот так... — Саша набрал полную грудь воздуха и с хрипом его вытолкнул из легких. — А теперь замолчал.

— Где умирал? Кто? — испуганно переспросила Ольга.

— Тот, кого мы знаем. Его больше нет. Он испустил дух...

И, замерев, стал шарить глазами по кухне. У Ольги мурашки по телу побежали...

Ее сын еще и призраков видит?

— Он где-то рядом, — пробормотал Саша. И тут его глаза уперлись в потолок. — Там!